

Литературные двойники уральских городов в малой прозе **Д. Н. Мамина-Сибиряка**

Образ города четко прорисовывается писателем на страницах рассказов об Урале. В рассказе «**Башка**» (1884 г.) создается образ Пропадинска, который получает дальнейшее развитие в «**Поправке доктора Осокина**» (1885 г.). Его жанровое определение «очерк» было снято писателем после журнальной публикации. Наконец, Пропадинск как «точечная цитата» (термин М. Бахтина) появляется в очерке «**Отрава**» (1887 г.). Таким образом, создается уральский сверхтекст, обусловленный топонимами.

Топоним Пропадинск как литературный двойник уездного уральского города, появившись в начале рассказа «**Башка**»¹, выполняет предсказательную, судьбоносную функцию – готовит читателя к предстоящей драме.

Название уездного города образовано от отглагольного прилагательного «пропадинский», где суффикс -инск- имеет значение места¹. Существительное (в отличие от прилагательного) в роли топонима имеет более экспрессивное значение: в нём заключена конкретность, твёрдость, возможно, окончательность сохранившегося оттенка совершенного негативного действия. В звучании топонима Пропадинск также чувствуются оттенки лексического значения существительного «пропасть» с его метафорическим смыслом «дойти до тяжелого губительного состояния».

Усиливает семантическую насыщенность топонима употребление в контексте регулярно повторяющихся лексем: «растворился», «утонул», «исчез», «пропал». В каждом из этих слов - драматичность бытия,

¹ Пропадинск как некий образ Екатеринбурга рассматривается Ю. В. Ключковой. См. Ключкова, Ю. В. «Псевдонимы» Екатеринбурга в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка [Текст]: от Узла до Пропадинска / Ю. В. Ключкова // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы: материалы науч.-практ. конф. - Екатеринбург, 2002.

растворенность города в осенней грязи, погруженность уральского мира в темноту ночи.

«Рассказ Мамина-Сибиряка **«Башка»** - один из первых «горьковских», до появления самого Горького»ⁱⁱ. Хотя слово «дно» Мамин не употребляет, понять литературные параллели помогает топоним Пропадинск, которым обозначено пространство города – «дна».

Пространство произведения, обозначенное как «городишко Пропадинск», реализуется в пейзаже: *«Утро было **отвратительное**, точно природа **выворотила** из своих недр всю **грязь**, какая только была в запасе. По небу ползли низкие, **грязные** облака, цеплявшиеся за самые крыши городских домов. На улицах **грязь стояла по колено**, и можно было подумать, что с неба в течение двух последних дней лился не дождь, а **помои**»ⁱⁱⁱ*. Реализация топонима осуществляется в его векторности, направленности на судьбы героев. Человек ошибается и буквально *пропадает* в Пропадинске, падает на «дно». Созданные писателем образы «пропавших людей» подтверждают такое предположение о влиянии города на судьбу человека – герои *пропадают*. Так случилось с Медальоном, когда-то окончившим гимназию с золотой медалью; с Корнилычем, который *«теперь имел всегда измятое лицо»*; с Ерошкой, который *«наслаждался теперь...теплотой гнилого кабацкого притона»*; с Фигурой, когда-то бывшей *«хорошенькой женщиной, привыкшей требовать всеобщего внимания»*; с Башкой, бывшим первым учеником в семинарии <...> Теперь все эти *пропащие* люди – *«одного поля ягоды»*.

Топоним Пропадинск появляется в первом абзаце и им же завершается повествование автора об одной истории из жизни города. Благодаря этому композиционному приему, создается эффект замкнутого круга, из которого вроде бы и нельзя выбраться, но судьба Башки, опирающегося в жизни на *«жестокую логику»*, заключающуюся в том, что *«жизнь требует цельного человека, сильного умом и волей»*, и его поступок в конце рассказа – уход из Пропадинска – вселяют надежду на то, что человек способен победить *«этот всеобщий разлад»*. Развертывание семантики топонима таково, что читатель

осознает волевое, сознательное решение героя исчезнуть из поля зрения окружающих.. И в первую очередь, пропасть для Фигуры, которая надругалась над его сюрпризом – а он пытался ей подарить ни много ни мало - ее саму – бывшую, ее прошлое – светлое, чистое, незапятнанное.

Д. Н. Мамин-Сибиряк расставляет акценты на жизненных ценностях, среди которых самой сильной называет любовь: именно она помогла Башке выбраться из плена *«гнилого кабацкого притона»* и начать много работать, чтобы сделать свою любимую женщину - Фигуру - счастливой. Однако человеческого в Пропадинске не осталось - настоящие чувства высмеиваются: *«Подогретая вином и общим вниманием, Фигура принялась рассказывать о Башке в лицах, кривлялась, размахивала руками и несколько раз чуть не растянулась на полу. Это даровое представление надрывало животики всей «Плевне»...»* (Т. 1, 62). Кабак, с которым ассоциируется «дно» жизни, назван, видимо, в честь болгарского города, не случайно фонетически соотносится со словами «плевать», «плевок». Он является, по сути, пропастью, преисподней. Здесь теряют человеческую сущность её завсегда. Есть только один путь к спасению – вырваться из города, покинуть его, что и делает главный герой Башка.

Расширение и углубление образа города Пропадинска происходит в рассказе **«Поправка доктора Осокина»**, когда становится известно, что город стоит на реке Пропадинка. Ойконимы часто образуются от гидронимов, с которыми, в свою очередь, связано большое количество мифов и преданий^{iv}. Можно предположить, какие тайны хранит в своих водах *«бойкая горная речонка Пропадинка»*, потому что судьба людей, живущих на ее берегах, трагична. Автор перечисляет человеческие беды: *«учитель скоро спился и умер»*, *«Блюдечкин застрелился»*, *«сколько человек по миру пустила <...> а уж сколько слез жены мужние <...> пролили и синяков износили»* (Т. 2, 18), *«доктор очень несчастлив»* (Т. 2, 19) и т. д. Одно из значений слова «пропасть» – «болезнь, смерть»^v, от которого предположительно образовалось

имя реки, прослеживается в контексте произведения, где главная героиня задается вопросом: «откуда это зверство в человеке».

Топоним Пропадинск в этом рассказе впервые звучит из уст Матрены Ивановны, в прошлом акушерки. В разговоре с доктором она сначала указала на отрицательные качества «пропадинских дам», а затем назвала Пропадинск захолустьем, где «вянут хорошие девушки» (Т. 2, 9).

Субъективной оценке героини в начале произведения противопоставляется авторская характеристика места: *«Уездный город Пропадинск совсем не был таким захолустьем, как отзывалась о нем Матрена Ивановна; напротив, это был очень чистенький и бойкий городок с двадцатитысячным населением, с развитой промышленностью и тем особым бойким складом жизни, каким отличаются все сибирские города. Правильные широкие улицы, обстроенные каменными и деревянными домами, вытянулись параллельно течению маленькой горной речонки Пропадинки. Издали вид на город был очень красив: чем-то свежим и оригинальным веяло от этой пестрой кучи домов, садов, церквей, общественных зданий, дач и заимок. Трудно было даже сразу разобрать, где кончался собственно город, потому что заимки и дачи уже входили в черту города, а затем почти в центре зеленою шапкой высилась небольшая лесистая горка, служившая местом для общественного гулянья...»* (Т. 1, 12). В ходе повествования пейзаж, однако, омрачается картинками, схожими с описанием города в рассказе «Башка»: *«стояла осень, и везде городские улицы были залиты сплошной грязью»* (Т.1, 25).

Городские картины максимально детализированы. Этому способствуют введенные в текст топонимы, использованные ранее в произведении «Башка». *«Кабак Плевна находился в глухом переулке, который шел от Хлебного рынка»* (Т.1, 31); *«От Плевны ему нужно было перекосить соборную площадь, потом обогнуть старый гостиный двор и свернуть в узкую Проломную улицу, где тонули в грязи постоянные дворы»* (Т. 1, 35). Топонимический характер «Поправки доктора Осокина» создается не только

путем повторения тех же названий улиц и площадей, но и введением новых имен: «У Матрены Ивановны был свой домишко, стоявший на **Соборной улице**² рядом с запустелыми хоромами разорившихся богачей Ефимовых» (Т.2, 13); «Доктор шел <...> вдоль **Проломной улицы** к центру города <...> Миновав **Проломную улицу**, доктор вышел на **Черный рынок**, потонувший в непролазной грязи, а потом повернул в узкую **Мучную улицу**, набитую мучными лавками, крестьянскими телегами и целыми стаями голубей. Наконец доктор очутился на **Соборной площади**, центр которой был занят старым **гостиным двором**» (Т. 2, 25).

Путь доктора Осокина прямо противоположен движению Башки. Общим для обоих героев является прохождение их по Проломной улице. Пролом – это то, что обязательно ассоциативно связывается с выходом, но не упорядоченным, не закономерным, а возникшим в результате неизбежного силового воздействия. Люди, живущие в Пропадинске, ищут способ улучшения своего бытия, но это, как показывает писатель, сделать очень трудно. Повторяющаяся характеристика улицы «узкая» усиливает коннотацию годонима Проломная. Героям необходимо приложить немалые усилия, чтобы выбраться со «дна» жизни. Те, кто решаются на это, буквально «идут на пролом»: Башка первоначально отправляется за деньгами, которые смогут помочь преодолеть похмельное состояние ему и завсегдатаям кабака «Плевна»; доктор Осокин совершает первые шаги на пути осуществления своей идеи – мечты, которая в реальности уже не осуществится. В действительности именно эти усилия стали для героев поворотными. Результатом движения Башки по «узким и грязным» улицам становится встреча Медальона, человека равного ему по интеллекту, и Фигуры, женщины, ради которой ему захотелось стать лучше. Эти встречи сыграли судьбоносную роль в жизни Башки – они ускорили процесс его ухода из Пропадинска – и роковую для доктора Осокина, который иллюзорно изменил

² При написании названий «соборная площадь» и «Соборная улица» в тексте произведений использованы как прописная, так и строчная буквы.

свою жизнь, создав комнату (пусть несуществующей, но такой желанной!) старшей дочери, что привело его к сумасшествию.

Описанный Д. Н. Маминым-Сибиряком путь героев – своеобразная метафора их жизненного пути. И Башка, и доктор Осокин сами выбирают свою судьбу: Башка пошел от центра города к окраине, что и помогло ему впоследствии найти выход из Пропадинска; путь доктора словно намагничен в сторону центра. Как известно, середина всегда сакральна, она вбирает в себя суть явления (это отмечает В. Н. Топоров, анализируя роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»^{vi}, об этом пишет А. К. Байбурин, исследуя представления о мире восточных славян^{vii}). Следовательно, доктор Осокин выбрал путь к пропасти – он обречен быть только «мужчинкой» и лелеять надежду на иллюзии жизни в возможности. В изображении борьбы двух сил – центростремительной и центробежной – реализуются разные значения глагола «пропасть»: «исчезнуть» - в рассказе «Башка» и «окончательно потерять веру в себя» - в «Поправке доктора Осокина».

Топографическая точность, с одной стороны, придает рассказу очерковый характер, т. е. топонимы выполняют здесь номинативную функцию, с другой – подтверждает предположение о том, что любая деталь в поэтике Мамина необыкновенно важна, так как она несет в себе «закодированную информацию». Записные книжки писателя свидетельствуют о том, что он серьезно подходил к проблеме выбора топонима. Например, первоначально по замыслу автора дом доктора Осокина должен был стоять на пересечении улиц с красноречивыми названиями - Разгуляевской и Гнилого переулка^{viii}. Во время работы над произведением, возможно, писателю показалось, что для небольшого по объему рассказа слишком много имен, вызывающих негативные ассоциации, и Мамин решил не указывать точные координаты местонахождения дома Осокина. Фамилия этого главного героя тоже говорящая: осока – «трава, растущая на гнилой, заболоченной почве», сорняк, который желает «разгуляться», потому что быстро заполняет огромные территории. Листья этой травы острые, режущие, сама она не

используется в хозяйстве. Наделяя своего героя такой фамилией, Мамин подчеркивал предопределенность его судьбы. Улицы, где проходил доктор Осокин, пребывание которого на земле бесполезно, наоборот носят красивые, ассоциирующиеся с жизнью названия - Мучная, Хлебная.

Код названий Мучная улица и Хлебный рынок прозрачен, так как эти топонимы «говорящие»: жизнь там, где есть хлеб, наличие хлеба невозможно без труда. Значит, наряду с «завсегдатаями» кабаков и доктора, «самое имя которого являлось чем-то вроде заразы» (Т. 2, 29) – Осокин, есть люди, умеющие и любящие работать. Благодаря их труду город живет.

Это положительные коннотации топонима Мучная. Однако мука всегда добывается путем больших затрат жизненных сил, путем длительного, порой даже *мучительного*, перетирания зерна. Не случайно этимология омофонов мука и мука пересекается. Их корни восходят к славянским языкам, а в толковании одного слова используется родственное другому: мука «мнется, сжимается, давится, **мучится**»^{ix}. Так омофоны мука и мука в контексте рассказа «Поправка доктора Осокина» вступают в смысловую игру. Мучная улица «узкая» (так же, как и улица Проломная), «набитая *мучными* лавками, крестьянскими телегами и целыми стаями голубей». Нагнетание тесноты, тяжести бытия, трудности выхода происходит за счет повтора однокоренных слов и использования однородных членов предложения.

Имена собственные в поэтике Мамина-Сибиряка отражают народное миропонимание. Авторская оценка происходящего чаще завуалирована и осознается на уровне сверттекста. Разгадать тайну пагубного влияния города Пропадинска на его жителей помогают библейские имена собственные – это еще одна грань реализации ассоциативной функции топонима в художественном произведении. В Пропадинске из рассказа «Башка» «живет» владелец кабака Ванька Каин, а в Пропадинске из «Поправки доктора Осокина» - лакей Авель.

Каин (Иван Васильевич) «был великий тактик и в совершенстве обладал величайшим сокровищем, которое называется *«чувством меры»*; *«людей он*

видел насквозь и со всяким умел обойтись по-своему» (Т.1, 49). Этому героя Мамин наделил как плутовством, так и *«чисто русским добродушием»*, как *«административной прозорливостью»*, так и *«благоговением перед чужим талантом»*, *«пониманием»*. Литературные реминисценции вступают в *«непредсказуемую игру»* с другими компонентами текста. Со времен Библии Каин является символом наказанного великого грешника, в Иване Васильевиче из рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка сочетаются отрицательные и положительные качества. Он жаждет наказания для тех, кто *«настоящего понятия не хочет иметь и добра не помнит»*. Например, радовался, что *«образованному человеку»* Башке пришлось в непогоду идти *«грязь месить»*, потому что тот *«облаял»* любовницу Каина Акулину. Завсегдатаи же кабака любили Каина за то, что *«он один относился к ним, как к людям»* и мог *«выслать им «целое решето черного хлеба и лука»* (Т.1, 49) в моменты голода. Однако живет Каин в Пропадинске, месте, где *«множество талантливых русских вырожденков»* заканчивают жизнь *«роковым общим знаменателем»*, как назвал Башка кабак» (Т.1, 55).

В рассказе «Поправка доктора Осокина» доктор держал у себя *«неимоверно глупого лакея»* Авеля *«из удовольствия назвать его первым человеком в мире»* (Т.2, 21). Авель сумел *«отблагодарить»* доброго хозяина – сбежал и украл у него деньги. В мире, где нарушаются законы человеческого бытия, а властвуют *«пропадинские»*, все встает с ног на голову: угодный Господу Авель становится вором и предателем, а завистливый скиталец Каин при случае не прочь помочь людям.

Художественное пространство является отражением действительности. Героям произведения присуще *«народное сознание, неясный протест и такое же неясное поэтическое настроение»* (Т. 2, 420). Усиливают картину неблагополучия и дисгармонии мира героев Д. Н. Мамина-Сибиряка авторская ирония (*«любил поприжать каиновой лапой»*, *«угрызения каиновой совести»* и др.) и оксюморонные выражения (*«теплота гнилого кабацкого притона»*, *«печальная торжественность»* и др.).

Ведущим приемом создания образа города является олицетворение. Пропадинск, по мнению писателя, живет собственной жизнью. Метонимия в рассказе «Поправка доктора Осокина» делает образ города выразительным. Мамин наделяет город способностью совершать человеческие поступки и проявлять эмоции. Пропадинск то *«был глубоко убежден»* в чем-либо, то *«оскорблен в лучших своих чувствах»*, то *«заговорил»*. В рассказе «Башка» у города есть свое лицо, которое складывается из «физиономий» кабаков: кабак Зобуна в Проломной улице славился как притон конокрадов и лесоворов; кабак «Ямка», около гостиного двора, служил сборным местом нищих; *«были кабаки самой подозрительной репутации как пристанище жуликов и мазуриков и т. п.»* (Т. 1, 45). Имена кабаков расширяют пространство Пропадинска, вызывая у читателя дополнительные ассоциации. Так, один кабак все называют по имени владельца - кабак Зобуна, фамилия которого созвучна слову «зоб», что значит «выпучившееся место» и глаголу «зобать», что значит «есть жадно, торопливо, во всю глотку»^x. Для конокрадов и лесоворов необходимо принимать пищу быстро, и то, что притон стоит в Проломной улице, по которой им приходится пробираться, также оказывается очень удобным.

Возникающие ассоциации помогают понять идейную функцию топонима Пропадинск. Она заключается в том, что это имя собственное подчеркивает грань между высокой философией и действительностью. Жизнь должна продолжаться – и не в *«омертвевших формах»* (о чем пишет доктор Осокин в своей работе), а в естественных. Рождение ребенка – вот в чем смысл человеческого бытия. *«...Высшее счастье, какое доступно человеку, именно жить повторенною жизнью, быть молодым во второй раз и чувствовать, что вот именно ты не умрешь, а будешь жить, только в новой, лучшей форме»*, - рассуждал Осокин (Т. 2, 40). Включив в повествование «бред» сумасшедшего, писатель тем самым вступает в полемику с философией Шопенгауэра, изложенной в работе «Мир как воля и представление». Записные книжки Мамина хранят множество цитат из этой

книги, что свидетельствует о его серьезных размышлениях над положениями труда немецкого философа. *«Если мир – представление и воля, то как же можно представить себе не существующую в природе «старшую дочь»* (Т. 2, 443) - сущность полемики Мамина с Шопенгауэром³.

Мотив «неродившегося ребенка» усиливает влияние имени Пропадинск на читателя. В «Башке» этот мотив завуалирован, лишь художественные детали позволяют понять, как важно для писателя, чтобы жизнь продолжалась. Так, например, Башка, *«не помня матери и не имея семьи»* (Т.1, 55), смотрит на веселый треск пламени и рассуждает: *«Странная вещь этот огонь <...> это стихийное начало, с одной стороны <...> с другой – символ очищения, прообраз домашнего очага, величайшее приобретение для ветхого человека и неутомимый работник для нового»* (Т. 1, 54).

Амбивалентный образ огня соотносится, на наш взгляд, с художественным пространством, воплощенным в топонимах. Улицы и площади носят названия, которые коррелируются с идеей продолжения жизни (Хлебная, Мучная и др.), а имя города, где они находятся, указывает на опасность, нависшую над миром. Такое противопоставление подчеркивает драматизм судьбы героев, которые попали в пространство Пропадинска. Здесь люди легко могут потерять человеческую сущность и стать «бывшими». Все «бывшие» герои рассказа «Башка» не имеют семьи, «ни отца, ни матери» не помнят. По сути, каждый из них сирота.

Мотив сиротства созвучен мотиву одиночества в рассказах Мамина. Женщины из «Поправки доктора Осокина» - Матрена Ивановна, бывшая акушерка, встречающая новую жизнь, и Поленька, *«бывшая пропадинская*

³ Д. Н. Мамин-Сибиряк в своих произведениях не раз полемизировал с Шопенгауэром. См.: Соболева, Л. С. Образы «Слова о полку Игореве» в легенде Д. Н. Мамина-Сибиряка «Сказание о сибирском хане, старом Кучуме» [Текст] / Л. С. Соболева // Д. Н. Мамин-Сибиряк – художник. - Свердловск, 1989. – С.56-66; Приказчикова, Е. Е. Философский контекст и мифологическая символика «Восточных легенд» Д.Н. Мамина-Сибиряка [Текст] / Е. Е. Приказчикова.. – Известия УрГУ им. М. Горького, 2002. – С.66-86.

знаменитость», - не имеют детей. Сюжет развивается так, возможно, потому, что писатель не захотел обрекать новую жизнь на бесприютчину в огромном мире. А может, Мамин хотел расставить акценты так, чтобы показать читателю, что в Пропадинске утрачивается мужское начало – мужчина превращается в *«мужчинку»*.

Своеобразной квинтэссенцией развития мотива сиротства является появившийся в конце рассказа образ России, на просторах которой не нашлось места *«бывшему»* доктору. Он *«пропал»* - и жить ему в Пропадинске. В таком подтексте прослеживаются экзистенциальные мотивы творчества Д. Н. Мамина-Сибиряка. Н. Бердяев позже скажет, что на протяжении всей своей истории Россия *«невестится, ждет мужа»*^{xi}. Ведя спор с Шопенгауэром, Мамин призывает людей не становиться в разряд *«бывших»*, а жить полноценной жизнью, рожать настоящих детей, а не лелеять мечту о *«неродившейся старшей дочери»* в возможности, быть мужчиной, способным зажечь и сохранить огонь домашнего очага. По мнению Мамина, нужна *«какая-нибудь случайность»*, чтобы именно здесь вспыхнул огонь накопившейся жизни» (Т.2, 40).

Образом-символом активного мужского начала в *«Поправке доктора Осокина»*, скорее всего, является огонь. Через этот образ реализуются универсально-мифологические мотивы: *«стихийное начало*, с одной стороны, с другой – символ очищения, прообраз домашнего огня, *«величайшее приобретение для ветхого человека...»* (Т. 2, 54). По мнению Мамина, чтобы огонь был теплым, как тело человека, не надо чересчур *«увлекаться»* пустыми идеями, как доктор Осокин, или пускать в себя *«беса ненасытной гордости»*, как сделал это Башка. Топонимический код произведения позволяет расширить спектр адекватного истолкования произведения, обеспечивает выход на уровень бытийных смыслов.

Топоним Пропадинск встречается еще в одном в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка - **«Отрава»**. В основу сюжета данного произведения положено реальное явление жизни, освещённое Маминым *«во всём простом*

и мрачном трагизме». Рассказ назван по кличке последней заступницы несчастных баб от «зверства» их же мужиков. Однако его название символично: отравлена атмосфера деревни. Село Шатуново, в котором и разворачиваются события, находится недалеко от города Пропадинска, следовательно, влияние города на село очевидно⁴. (О топониме «Шатуново» см. в параграфе 2.3. главы 2, стр.88).

Таким образом, реализация топонима Пропадинск в контексте годонимов и на уровне сверттекста оказывается более полной, чем в отдельно взятом тексте, а образ города становится законченным. Текстобразующая функция окказиональных топонимов тесно связана с ассоциативной. Именно параллели, возникающие в процессе чтения «закодированного текста», позволяют не только осмыслить его, но и понять особенности авторской картины мира.

Д. Н. Мамин-Сибиряк является продолжателем литературной традиции, для которой характерно использование «говорящих» топонимов. На уровне интертекста в маминских рассказах прослеживаются мотивы пушкинского произведения «История села Горюхина» и скрыто звучит риторический вопрос, заданный Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо?».

В рассказе «**Переводчица на приисках**» (1883 г.) «*не с радости, а с горя*» народ идет в кабак (Т.2, 246). Герой Яков Шипицын так же, как и жители села Горюхина в произведении А. С. Пушкина, сначала был богат, пользовался почетом, а «*теперь сир и убог*». Судьба человека во многом зависит от выбора, который он совершит: повиниться жестокому правителю или сбежать в лес, например, как Леха Тарасов («История села Горюхина»); найти применение своим возможностям, даже после банкротства, как Хомутов, или благодарить каждого, кто поднесет «стаканчик» вина, как Шипицын («Переводчица на приисках»).

⁴ Более подробно об этом см.: Девятайкина, Г. Л. Топоним как важная деталь художественного пространства в рассказе Д. Н. Мамина-Сибиряка «В худых душах» [Текст] / Г. Л. Девятайкина. - XI Пушкинские чтения, СПб, 2006. – С. 200-204.

События рассказа Мамина происходят на приисках, расположенных недалеко от города Мохова. Оказиональный топоним употреблен в произведении лишь один раз и в контексте слова «наш». Притяжательное местоимение усиливает связь между городом и его жителями. Место и человек отождествляются. Их имманентность по отношению друг к другу скрыта в значении слова «мох», от которого образовано имя собственное «Мохов», и реализуется в сюжете рассказа.

Этимология слова «мох» восходит к латинскому «плесень» или немецкому «болото», «топь». Словообразовательная модель, по которой образован топоним, самая распространенная в XIX веке. И. А. Воробьева указывает, что по такой словообразовательной модели создавалось 59% топонимов^{xii}.

Мамин выбрал такой топоним неслучайно: мох - «растение без корней и цветков». Название города коррелируется со значением данного слова. Следовательно, Мохов – место, где много растений без корней и цветков^{xiii}. Может, поэтому герои рассказа не помнят ни родства, ни добра – они без корней. Главная героиня Ираида Филатьевна не имеет детей – жизнь лишена продолжения, яркости. Хомутов не возвращает долг бывшему соседу и другу Шипицыну, Настенька, как «мох», «приживается» (Г.Д.) в любом месте, обманывает Ираиду Филатьевну, которая полюбила ее, как свою родную дочь. Иностранцы тоже, как мох, населили русскую землю. Даже на Урале, что спрятан горами и лесами от большой России, нашлось место и французам (m-r Пажон), и немцам (герр Шотт), и англичанам (мистер Арчер).

Такая интерпретация топонима помогает Мамину снять характерную для национальной культуры оппозицию «свой - чужой». *«Иностранцы такие же люди, как и мы с вами»*, - говорит Ираида Филатьевна и называет их *«нашими»*. Происходит своего рода сцепление топонима и персонажей. Парадокс такого положения в стране очевиден: на нашей земле есть место всем «нашим» иностранцам, а героиня, наделенная писателем щедрой душой, остается без дома. Все доброе, что сделала она в жизни, словно «мхом

поросло». В русском языке множество фразеологизмов, содержащих слово «мох»: «зарастить мхом» - устареть, «порастить мхом» - быть забытым и др.

Странница по духу, Ираида Филатьевна, не может найти своего места в мире. Родилась на Урале в семье генерала Касаткина. После фальшивого доноса на отца они вынуждены были переехать в Казань. *«Жизнь в Казани для Ирочки была самым бурным периодом ее существования»* (Т.2, 266). После смерти отца Ираида Филатьевна переехала в Петербург, где *«встретила людей с такими же недостатками, как в Казани»* (Т.2, 270). Затем она осознала, «что в Петербурге лишняя, что ей тут нет места, и уехала на Урал» (Т.2, 271). Маркируя жизненные этапы героини, топонимы словно окрашивают их определенным настроением – одиночества в большом мире.

Мохов с его «мшистостью» и «болотистостью» также оказался неприемлем для страннической души героини. Позже Н. Бердяев напишет: «Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушна». Философ назовет такой тип русских людей «вечными путниками, ищущими невидимого града»^{xiv}. Героям Мамина трудно отыскать на просторах России благодатное место, поэтому и судьба странников чаще трагична.

Топоним Мохов выполняет сверхтекстовую функцию так же, как и топоним Пропадинск, т. к. употребляется он в двух произведениях из цикла «Уральских рассказов».

Город Мохов из очерка **«Родительская кровь»** (1885) вводится Маминым в последней главе, как, например, и Скотопригоньевск в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевским. В таком названии города, по мнению В. Я. Кирпотина, «отразился большой мир, русское пореформенное общество с его недоумениями, бедами, задачами и неясностью перспектив»^{xv}. Используя данный прием, писатель как бы подвел итог повествования.

Топоним Мохов в произведении «Родительская кровь» употреблен в контексте, отличном от окружения этого имени в рассказе «Переводчица на приисках». Это позволяет расширить коннотации имени собственного. Герой

очерка Важенин *«ездил в губернский город Мохов за какими-то таинственными документами»* (Т.2, 184), следовательно, «гнилым», «болотистым» является не какой-то захолустный городок, а губернский, т. е. своего рода столица края.

Мохов находится недалеко от «середовины», которая *«кажется громадной черной овчиной, растянутой по неровной, чуть заметно всхолмленной поверхности»* (Т. 2, 144). Наверное, издалека эта овчина похожа на мшистый, мягкий ковер. Мамин-Сибиряк, однако, такую параллель не проводит. Возможно, он не хотел, чтобы топоним Мохов ассоциировался лишь с природой.

Информация, «закодированная» в топониме Мохов, важна для понимания идеи произведения – так реализуется идейная функция имени собственного. Топоним введен в художественное пространство почти в конце очерка. Мохов, с одной стороны, по лексическому значению корня, символизирует старость и гнилость, с другой – богатство. Много денег остается в губернском городе. Туда едут за *«тайными бумагами»* и *«сплошной немец»*, как называли иностранцев на Урале, и русские, среди которых был борец за правду Важенин. Его отец *«тоже о земле хлопотал, да так и кончился в остроге»* (Т. 2, 171). Важенин стал *«рабом <...> идеи»* освобождения родной земли от «настоящей армии немцев». На суде этот герой выглядел *«неизмеримо выше»* всех присутствующих, потому что знал, что он прав, чувствовал *«всю силу родительской крови»*. Секрет же (так звали лесного сторожа), само происхождение которого было «секретно», на суде вел себя как дома. Он, *«пропащий человек, счастливый собственным ничтожеством»* (Т.2, 187), не имеет жизненных принципов, а лишь преклоняется перед господами. Именно Секрет, человек, который по служебному положению должен охранять середовину, *«сфукал»* ее господам.

Мамин вновь обращается к библейским мотивам, которые были отмечены ранее. Так, мотив предательства в этом произведении подкрепляется авторскими размышлениями о библейских историях –

«убийство Каином Авеля, сцена, как продает Исав за чечевичную похлебку свое первородство Иакову, продажа Иосифа братьями измаильтянам...» (Т.2, 186). Финал же рассказа символичен. Важенин, много грешивший в жизни, становится силен своим прозрением и после суда возлагает на себя ответственность за спасение *«пластунских народов»*, т. е. выступает в роли пастыря. Секрет продолжает идти по пути предательства и по велению господ, рабом которых он был всегда, прикармливает волков, бросая для них в лесу бараньи головы. В Библии жестокость гонителей Израиля сравнивается с лютостью и хищностью волков, а под овцами подразумеваются люди, *«пастомые служителями Евангелия»*^{xvi}. Овцы считались священными животными и часто использовались в качестве жертвы. В аллегоричной форме Мамин показал, что Секрет ради собственного благополучия принес в жертву господам народы, жившие в середовине. Объясняя свое поведение, Секрет говорит: *«И жалованье обещают <...> Буду себе с зеленым флачком на рельсах постаивать»* (Т. 2, 188).

В заключительной фразе Секрета (*«Мы им бараньи головы валим, а они лопают – только и всего»*) и в топониме Мохов звучит своеобразное предупреждение писателя о том, что история уральских деревень может *«зарастить мхом»*, а хозяином на этой земле станет *«сплошной немец»* как символ чужака.

Мохов здесь является своеобразной пространственной и временной декорацией, изображение которой нечеткое, однако необходимое для понимания идеи произведения. Пропадинск же полностью отождествляется с героями, т. е. их судьбы, эмоции, мысли параллельны судьбе города. Пропадинск выступает как специфическая модель мира. Выполняя данную функцию, город становится максимально цельным, являет собой как авторскую картину мира, так и специфические законы городского пространства в определенное время.

Создавая топонимы для художественного произведения, писатель использует не только свой субъективный опыт, но и опирается на духовную и

материальную культуру народа, о котором рассказывает. Именно эта связь делает окказиональные топонимы неповторимыми и яркими. Мамин как человек интересующийся историей, скорее всего, «закодировал» в топониме социальные болезни времени, когда утрачиваются вековые ценности. К ним относится не только любовь к родной земле, но и защита ее богатств от «железного века».

Придуманные Маминым топонимы: Пропадинск и Мохов как литературные двойники уральских городов - используются писателем в нескольких произведениях, соответственно, выполняют сверхтекстовую функцию. Они конкретизируют пространство, следовательно, им присуща номинативная функция. Однако ведущая роль отводится ассоциативной: именно она позволяет расширить спектр адекватного истолкования художественного произведения.

Общая топонимическая координата объединяет в сознании читателя повесть «**Доброе старое время**» (1889 г.) и рассказ «**Верный раб**» (1891 г.). Разворачивающиеся в них события связаны с городом Загорье.

Сюжет первого произведения был очень распространен в литературе конца XIX в., когда открывалось множество провинциальных театров. Жизнь крепостных актрис привлекала внимание и богатых, и бедных: они красивы, талантливы, окружены мужским вниманием. Однако не всех устраивала участь подчиняться воле «самодура-хозяина». Кроме того, многие из актрис были лишены возможности быть счастливыми в браке, так как их судьбой чаще всего распоряжался владелец театра.

Подобную историю Мамин рассказывает в повести «**Доброе старое время**». Определение жанра «повесть», при том что временные границы событий произведения гораздо шире, чем в рассказе, в развитии сюжета задействовано большое количество персонажей и т. д., настраивает читателя на достоверность повествования. В провинциальном городе появился первый театр, а местные жители оказались настоящими поклонниками театрального искусства, поэтому *«существование труппы в Загорье было совершенно*

обеспечено» (Т.2, 317). Заметки рассказчика о том, что поездки богатых господ на Урал в то время (40-ые годы XIX века) были *«дорогой фантазией»* (Т.2, 333), т. к. Петербург и заграница уже надоели, что на Урал вела *«широкая дорога»*, а горы словно *«расходились»* в разные стороны, вмещая между собой селения, служат созданию образа гостеприимного Урала. Подробного «портрета» города Мамин-Сибиряк в *«Добром старом времени»* не дает, поэтому представление о месте складывается лишь благодаря художественным деталям и ассоциациям, которые вызывает само имя города.

Топоним Загорье образован по распространенной словообразовательной модели при помощи аффиксов за- и -е, которые в совокупности придают слову, с одной стороны, значение места, простора, с другой – указывают на наличие своеобразной границы.

Здесь, за горами, нашел приют театр. Руководитель его, Крапивин, вынужден прятаться, чтобы выжить самому и спасти от господ-самодуров своих актрис. Парадокс налицо: герой с фамилией, в которой заложена доминанта *«жгучести»* (Г.Д.) не в силах *«ужалить»* своих врагов. Всемогущие генералы и заводчики имеют власть везде, даже за горами – в Загорье. Следовательно, незащищенным бедным людям негде спрятаться от господского произвола. Для него нет преград ни пространственных, ни временных.

Декодированию топонимического кода способствует и композиция произведения. Рассказ о жизни актрис в Загорье словно обрамлен повествованием о жизни бывшего актера Якова Ивановича и горькой судьбе бывшей актрисы Антонида Васильевны. Их талант остался в прошлом, о нем лишь можно вспоминать. С настоящим нелегко смириться. Его характеристиками являются одиночество (Антонида Васильевна оказалась бездетной, Яков Иванович даже не женился), отсутствие средств для существования и постоянный анализ прошлого.

Кольцевая композиция позволила объединить два временных пласта и в повести **«Верный раб»**. В этом произведении топоним Загорье вводится в

текст с первой страницы. И здесь город как будто не является главным объектом внимания. Его имя упоминается как источник информации об оценке генеральского дома. Загорье в этом произведении – «военная колония» (Т. 2, 374), где руководил генерал Голубко (прототипом которого является генерал Глинка): *«Военная закваска чувствовалась в распланировке самих улиц, правильных и широких, в типе построек и больше всего, конечно, в характере самого населения. Заводской мастеровой и промысловый рабочий являлись разновидностью николаевского солдата»* (Т. 2, 374).

Образ города и в этом произведении создается при помощи олицетворения. Он, как и полагается, стоит на реке, но даже и река как будто подчинена военной дисциплине. Гидроним Порожня образован от слова «порог». Это значение реализуется в особенностях реки: *«Река Порожня была поднята высокой плотиной и делила город на две части: правая – низменная, левая – гористая»* (Т. 2, 274).

Коннотации, возникающие в связи с таким описанием города и реки, позволяют сделать предположение о бинарности мира: левый – правый, низкий – гористый, богатый – бедный, господство – рабство, прошлое – настоящее. Переход из одного состояния в другое, наверное, возможен, но затруднен, т. к. он связан с переходом через порог. А это своего рода ритуал - переход из одного пространства в другое. «Порог – как бы стража. На нем сидеть или стоять нельзя. Подавать, брать или разговаривать через него тоже нельзя», - рассказывает о народных поверьях Н. Криничная^{xvii}. Обряд перехода через «порог» связан с жертвоприношением «хозяину».

Топоним, ассоциирующийся с порогом – Порожня, - своеобразная граница между «старым» и «новым» миром. На низменном правом берегу *«белой каменной массой»* (Т.2, 274) выделялся генеральский дом. Хозяевами левой части являлись «новые богачи», чьи тысячи очень быстро превратились в миллионы. *«Ширь русской натуры»* (Т.2, 274) оказалась причиной несчастья для большинства героев произведения: дети расставались с капиталом, нажитым их отцами; генерал легко принимает решение о

женитьбе практически на «полненьких ножках» дочери гиттенфервальтера (название одного из горных чинов), которые, один раз увидев, он не смог уже забыть. Мамин иронизирует над своенравным «хозяином» положения: женившись на ножках, по Мамину, легко дойти до ручки. Фамилию Ручкин в конце рассказа писатель даст «верному рабу» Мишке, который, на первый взгляд, является жертвой. Его по желанию генеральши, быстро взявшей после свадьбы все «в свои пухлые ручки» (Т.2, 371), изгнали со второго этажа генеральского дома и поселили под лестницей (словно дух под порогом). Сметливость помогла Мишке избавиться от властолюбивой полненькой генеральши: она «исчезла из Загорья, как тень» (Т.2, 422), так как благодаря стараниям Мишки была уличена генералом в неверности.

Мамин всегда очень внимательно относился ко времени. Код топонимов Загорье и Порожня предполагает не только пространственную характеристику бытия, но и временную. В эпилоге повести «Верный раб» мы узнаем, что жертвой всего происходящего оказался генерал. Через много лет «на берегах одетой в гранит Невы» (Т.2, 422) встретились генерал Голубков и Мишка Ручкин, у которого к тому времени появился дом в Петербурге. При встрече генерал сквозь слезы произнес: «Зачем ты тогда подвел меня с генеральшей? Не был бы я теперь один...» (Т.2, 428), а «верный раб Мишка» торжествовал. Так реализуется значение слова «порожний» - «то же, что и пустой». «Пустой» оказалась душа богатого генерала, «пустой» была симпатичная генеральша, бездушным, а значит и «пустым» является сам «верный раб Мишка». Отсюда «пусто» в душе и в доме героев – они одиноки, значит душевно нищие, нравственно убогие^{xviii}.

В рассказах Мамина, посвященных уральской тематике, город как бы забирает у героев энергию, тем самым лишая их возможности активно действовать, и при этом сохранять свои человеческие качества. Так происходит со всеми жителями Пропадинска, Мохова, Загорья.

ⁱ Виноградов, В. В. Русский язык. - М., 1972.. - С. 213.

-
- ⁱⁱ Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870-1890-х гг. - Новосибирск, 2005. - С. 80.
- ⁱⁱⁱ Мамин-Сибиряк, Д. Н. Уральские рассказы в 2-х т. Т. 1.- Свердловск, 1983. - С. 30.
Далее указываю страницу по этому изданию.
- ^{iv} Агеева, Р. А. Происхождение имен рек и озер. - М., 1985. - С. 127.
- ^v Матвеев, А. К. Словарь русских говоров Среднего Урала: Дополнения. - Екатеринбург, 1996. - С. 304.
- ^{vi} См.: Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ.. - М., 1995 - 624 с.
- ^{vii} Байбурин, А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. - Ленинград, 1983. - С. 156.
- ^{viii} СОГМПУ. Записные книжки Д. Н. Мамина-Сибиряка. №1662, 53.
- ^{ix} Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. - ИДДК.
- ^x Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. - М., 1999. - С. 284.
- ^{xi} Бердяев, Н. А. Судьба России. - М., 2005. - С. 17.
- ^{xii} Воробьева, И. А. Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения // филологические науки . - 1965., - №2. - С. 153.
- ^{xiii} Черных, П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. - М., 1999. - С. 545.
- ^{xiv} Бердяев, Н. А. Судьба России. - М., 2005. - С. 27.
- ^{xv} Дергачев, И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном процессе 1870-1890-х гг. - Новосибирск, 2005. - С. 9.
- ^{xvi} Библийская энциклопедия. - М., 1990. - С. 275.
- ^{xvii} Криничная, Н. А. Русская мифология: Мир образов фольклора. - М., . 2004. - С. 48.
- ^{xviii} См.: Спиридонова, И. А. Мотив сиротства в «Чевенгуре» А. Платонова в свете христианской традиции // Евангельский текст в русской литературе XVIII – XX веков. Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. - Петрозаводск, 1998. - С. 514 -537.